Автор: Оргкомитет
01.04.2013 14:00

Живет в Римониме (Израиль).

Счастье

От Осипенко Елены
счастье ушло постепенно.

А казалось, что вот оно,
трижды обмотано
на левом запястье
браслетиком. Счастье.

Бывало, Лена посмыкает для проверки,
как передёрнет затвор,
не убежало ли к Паниной Верке
(эта рыжая стерва – потенциальный вор).
Оно шевельнётся в ответ,
лизнёт, отзовётся мяу.
И Лене спокойно, и небушко в цвет
нейблау,

на синем фасаде – звёзды как фотопечать.
Эх, вовремя бы заметить,
что счастье уже перестало мурчать,
и озорничать,
а в процессе откуда берутся дети –
оно перестало кончать.

Такое вот несоответствие в смете.

Nil admirari, но Панина Верка совсем ни при чём.
У этого бизнеса были другие риски.
То, что Лене казалось краеугольным литым кирпичом,
оказалось подобьем ириски:

если долго жевать или просто держать за щекой,
ириска твёрдая становится мягкой.
А после – совсем никакой.
И, сколько ни чавкай,

сколь не выкладывай праздничных фоток ВКонтакт,
сколько не улыбайся на публику, –
слаще не будет. А будет от бублика
дырка, туман, анакруза, затакт, затакт, затакт…

Вот что произошло с Осипенко Еленой.
С тех пор минул год, или, может быть, полтора.
Винчестер в сейфе, забытый усталый пленный.
Браслет перетёрся. И ночью что снится? RAM.
А счастье, уже не её, летит во вселенной
свободным бозоном к другим мирам.

Связь

Возвращайся. Под вечер
постучи в нашу дверь.
С чемоданом увечий

(кто в них верит теперь?),
со слезами обиды
(где река их течёт?),
тихим, пьяным, разбитым,
непрощённым ещё.
Я открою. Нет связи
никакой-никакой
между городом Грязи
и небритой щекой,
по которой – ударить?
Целовать? Узнавать!
В этой паре – три твари.
Сдвинуть кресло-кровать
ближе к детской кроватке:
стереги не дыша
тёплый розовый сладкий
росный сон малыша.
Чувствуй нежность, волнами.
Не шуми. Здесь нельзя
ни трясти орденами,
ни бряцать временами,
что прожиты не с нами.
А в Грязях.

Мёртвое море

«На стихи он поймал тебя, милая, на стихи…»,
говорила подруга, солидно кивая в такт.
«Да, читала и слышала, кажется, неплохи,
но не Бродский. Хотя, безусловно, не дилетант.

Но не Бродский». Кофейню покачивал запах сдоб,
колумбийского кофе, магнолий, альбомных гор.
Жгла подруга, почти медитируя: «Это – Сдом?
Это – соль? Перебор с чудесами-то, перебор…»

Жали шлёпанцы. Солнце горячечно шло в зенит.
В морозилке томился заказанный нами штоф.
И крамольно звенело во мне (и сейчас звенит):
на любовь он поймал меня, господи, на любовь!

Для тех, кто вдруг не знает: Сдом – так на иврите пишется и произносится Содом (брат Гоморры по несчастью). Располагался в горах над ММ.

Автор: Оргкомитет
01.04.2013 14:00

Страница автора в Сети